

Родники дают начало рекам Портрет природосообразной национальной школы

Нина ЦЕЛИЩЕВА

После грохочущего каменного мешка Москвы, после миллионной Уфы со снующими стаями иномарок тишина села Слакбаш казалась невысказанной — звенящей, оглушающей, как голубое безмолвие Космоса. Мы попали словно в другой мир — с иными вещами, представлениями, ритмами...

На пологой спине горы, обращённой к солнцу, приютилось село с полуторастами весёлых ухоженных домов, с огородами и дворами, напоминающими по чистоте натёртый паркетный пол. Со всех сторон село оторочено изумрудной зеленью озимых, прозрачной листвой берёз. И от всего — от земли, от деревьев, от близкого хлебного поля исходило тонкое пьянящее благоухание, забытое, а может, так и не познанное горожанами.

Скромный пастельный, редко гармоничный пейзаж, как камертон, определяет и климат здешней жизни, подчинённой природному течению времени. Весной и летом село пробуждается рано, с первыми лучами солнца. И взрослые, и дети включаются в свои повседневные заботы — дом в порядке содержать, за скотом ухаживать, огород обработать. Даже у трёхлетней Наташи есть свои обязанности: взять какшам (кувшин) и принести из колодца воды. С молоком матери выпитывают дети привычку к естественным движениям души, размеренную жизнь, на редкость покойную, не изнурительную, наполненную повседневным трудом, молочным мычанием телёнка, играми под весёлой безалаберной сенью берёзы. В сравнении с этой жизнью наше пёстрое столичное мельтешение напоминает брачный танец мотыльков-однодневок. Нет, наверное, почвы благодатнее для посрамления бытия, чем нынешняя наша московская. Наверное, жителям всех больших городов это знакомо до боли, которую невозможно передать в полную силу — сердце разорвётся...

Какое счастье, что Россия не состоит из одной лишь Москвы, асфальтовых мегаполисов и независимого с потрохами телевидения! Что есть в ней тысячи таких вот сёл и деревень — чистых, свежих, не тронутых “общечеловеческими мерзостями”. В местах, подобных Слакбашу, начинаешь понимать, что здесь никогда не возобладает индивидуализм, что жизнь этих людей, как и, даст Бог, всей нашей страны, никогда не будет зависеть от соотношения курса рубля и доллара...

В пространстве чувашской культуры село Слакбаш — одно из священных мест, давших миру двух выдающихся людей — классика чувашской поэзии, художника и этнографа Константина Иванова и народного поэта Чувашии Якова Ухсяя. Наверное, сама здешняя природа способствовала рождению двух поэтов, прославивших свой народ. Как “Евгений Онегин” стал энциклопедией русской жизни, так и поэма “Нарспи” стала энциклопедией быта, нравов и характеров чувашского народа. Эта теснейшая связь с родной почвой и сделала творчество обоих поэтов фактом духовного пространства Башкортостана и мировой культуры. Яков Ухсай писал о себе:

Был с народом и в народе,
И народ со мною был...

Как созвучно это с твёрдым убеждением русского поэта Александра Твардовского: “Без меня — народ неполный...”

Родной край нашёптывал Ухсаю сюжеты его произведений — “На вершине Гусли-горы”, “Разговор с белой берёзой”, “Полюбил я вас, поля”.

У истоков игривой речки Слак чуваша, переселившиеся, по преданию, с волжской стороны, основали это прославленное село. (Чувашское слово *слакнусь* и башкирское *слакбаш* означают верховье Слака). Кроме именитых земляков, в селе есть и природные достопримечательности — лобастые горы с поэтическими названиями Ковали-гора, Гус-

ли-гора и восхитительные чистоструйные родники. Пробив себе однажды путь среди скал, весело сбегают они с гор, хрустальным звоном напоминая игру на гусях. Их животворные струи дают жизнь речке Слак, которая впадает в Дёму, а Дёма в одну из крупнейших притоков Камы — в реку Белую.

Холодные, чистые родники, молчаливые горы, неоглядные дали Предуралья, дорога, ведущая к горизонту — на всём отпечаток седой старины, отзвук самой поэзии... Всё это и определило характер, менталитет здешних жителей — трудолюбивых, несуетных людей, открытых, честных, гостеприимных. Они и дома-то стали запирают совсем недавно. До сих пор на дверях многих домов висят замки без ключа — для виду. Чуваши, как и русские, — народ соборный, в них сильно чувство коллектива, чувство семьи единой. Общественное мнение — очень влиятельная сила. Щинземмень калащ (Что люди скажут?) — весьма действенная воспитательная формула. Если люди осудят — сраму не оберёшься. В чувашских пословицах и поговорках нет аналогичных русской “ни стыда, ни совести”.

Пропитанные этим укладом национального бытия, своего мироздания, приходят ребята в чувашскую среднюю школу, которая ярким пятном кирпичной терракоты выделяется на пышнозелёном ковре пришкольного участка и вот уже 110 лет служит просвещению жителей села.

Как часто слышим мы сетования учителей: “Мы учим детей одному, а жизнь учит их совсем другому...” В Слакбаше этого противоречия нет: школа и жизнь слиты здесь неразрывно, национальная культура, традиционные ценности, воплощающие в себе общественную модальность, занимают всё пространство школы и жизни села. В школе такая же спокойная семейная, трудовая атмосфера, как и дома. Ребят никто не называет по фамилии — только по именам, часто — ласкательным. Громких замечаний здесь никто никому не делает. Не услышишь даже энергичного “учительского” голоса — все беседы, просьбы, даже порицания идут на полутонах, спокойно, без педалирования эмоций. Старшие школьники опекают малышей, на переменах играют вместе с ними, после уроков общение продолжается на спортплощадке, на пришкольном участке. Здесь не нужно “вводить” ещё одну нынешнюю моду — педагогическую поддержку: потребность оказать помощь тому, кто в ней нуждается, органично присуща и учителям и школьникам.

При общении со школой мне всё время казалось, что она живёт в каком-то замедленном, “приглушенном”, совсем не современном ритме. Но не будем спешить с оценками, народная мудрость недаром ведь гласит: тихие воды — глубокие...

При первом же, самом поверхностном знакомстве со школой не покидало ощущение её самобытности, некоей единственности из-за полного отсутствия какой бы то ни было казённости и официоза. Это просто большой жилой дом, с любовью обихожённый. Вот уголок родной природы. А вот в полстены живописное полотно, посвящённое героям чувашского эпоса — поэмы Константина Иванова “Нарспи”: сейчас выйдут навстречу друг другу женственная, застенчивая Нарспи и свободолюбивый Сетнер, эти чувашские Ромео и Джульетта, чтобы встретиться и погибнуть в своей трагической любви от людской жестокости.

Интерьер школы расцвечен живыми цветами, украшен национальным орнаментом, детскими рисунками. Всё продумано, функционально и — ничего лишнего, как в доме у хорошей хозяйки с тонким вкусом. Я близко знаю женщину, которая свою стандартную восьмиметровую кухню обустроила с изяществом Версаля — в каждом её уголке царит эстетика целесообразности. Как бы невзначай брошена яркая льняная салфетка, тускло сверкнёт золотисто-рыжим боком хохломской бочонок, картина в стиле наивного реализма (мудро-задумчивая корова на лугу, лелеющая в своём чреве телёнка) — всё здесь органично, всё на месте и всё удивительным образом слито с сущностью хозяйки дома. Такая природная утончённость, рукотворная гармоничность среды обитания присущи натурам цельным, глубоким, с прочным нравственным стержнем. Мир пусть хоть там встанет с ног на голову, — в их сознании понятия добра и зла, чести и бесчестия, нравственного и без-

нравственного никогда не будут размыты, останутся во всей своей смысловой чистоте. Философ глубоко прав, утверждая, что форма — содержательна.

Цельность, глубина, основательность в высшей степени присущи учителям Слакбашской школы. На фоне нынешних жизненных реалий они оттого и выглядят не совсем обычно, я бы даже сказала несколько старомодно: не спешили знакомить с концепцией школы, не пересыпали речь модными педагогическими терминами. Зинаида Порфирьевна Катулевская, директор школы, как бы извиняясь, сказала:

— У нас никаких инноваций нет. Мы — традиционная сельская национальная школа.

Учительница чувашского языка и литературы Рима Мироновна Петрова высказала свою позицию ещё определённое, за что рискует быть подвергнута профессиональному ostracism со стороны иных коллег:

— Чтобы хорошо учить детей, мне нужны мел, книги и... дети.

Согласитесь: такое сегодня услышишь весьма редко. Но вот в чём парадокс. Наша прямо-таки подкорковая тоска по новациям, судорожные метания в стремлении не отстать от моды сыграли злую шутку: **многие инновационные школы стали как две капли воды походить друг на друга** — концепция, программа, лицейские классы, гимназические классы, курс мировой художественной культуры, углублённое изучение отдельных предметов... А в придачу к этому — отбор детей, непосильные учебные нагрузки, учительские стрессы. Маятник качнулся в другую сторону, и левое стало правым — как и в политике, как и вообще в жизни, когда дело доходит до крайностей. Мы стали жертвами диктатуры собственной мечты, привычки верить в панацею. Когда-нибудь (думаю, очень скоро) наше нынешнее упование на всемогущество новаций как способа преодолеть все школьные беды мы с удивлением обнаружим в кунсткамере педагогических мифов...

Учителя Слакбашской школы беззаботно отбросили как несущественное моду на инновации, оставив в своём арсенале **профессионализм, выработанное всей жизнью (а потому подлинное) внимание к детям, к их врождённым способностям, склонностям, интересам**. Это просматривается на всех этапах обучения, начиная с начальной школы. В ней — никаких нововведений типа изучения иностранного языка с первого, со второго класса или с детского сада. **В начальной школе — только родной материнский язык**, обучение ведётся на чувашском. А с 5-го класса, когда у детей появляется некоторая база, начальная “языковая компетентность”, как теперь говорят, они переходят к изучению русского. В чувашском селе условий для широкого бытования русской речи нет, хотя многие ребята её понимают. Тем не менее русский для них — как второй иностранный. Одновременно изучать два новых языка нелегко. Но вот тут-то и проявилась удивительная профессиональная интуиция учителей Слакбашской школы.

Я обратила внимание на то, что школьники уже в пятом классе пишут стихи, прекрасно справляются с сочинениями на русском языке, много читают и любят книгу. Естественным был вопрос: кто их учит, как учат?

Учительницы начальной школы Надежда Андреевна Васильева и Лариса Никодимовна Иванова не знакомы с технологией обучения чтению со звуковым ориентиром. Но они знают своих учеников от рождения, знают особенности их характера — эмоциональность, близость к природе, любовь к материнским напевам и бабушкиным сказкам, которые малыши готовы слушать бесконечно. Это дети с развитым воображением — они любят рисовать, сочиняют сказки.

Самая надёжная в этой ситуации методика — учить детей в соответствии с их естественным развитием. Поэтому в первом классе на уроках учителя много читают ребятам (детских книжек в школе не счесть), дети слушают сказки в магнитофонной записи. А в пятом, когда начинается изучение русского языка, — с ним учителя тоже знакомят ребят сначала по книгам: начинают с небольших сенок, детских рассказов, с русских сказок. Пятиклассники привыкают к звучанию русской речи, — теперь легче освоить алфавит. Когда накоплен какой-то лексический багаж, начинается изучение грамматики. **В таком подходе к урокам чтения, к изучению неродного языка чётко просматривается при-**

родосообразная технология, одна из немногих, дающих гарантированный результат.

Вот вам и “традиционная” школа, и “старомодные” учителя! Вспомните, как мы сами овладевали в детстве речью — разве с правописания существительных и глаголов начинали? С “Мойдо-дыра”, с “Кошкиного дома”, с “Сестрицы Алёнушки и братца Иванушки”. Представляю, что было бы с этими чувашскими малышами, начни учителя в погоне за инновациями развивать у них “теоретическое мышление”, которое в этом возрасте нужно детям, как корове седло.

А вот опора на природные качества и сообразное им обучение привели к тому, что **в обычной национальной сельской школе издаются три рукописных альманаха на русском языке — “Мой Пушкин”, “Родники вдохновения”, “Мы не поэты, но мы учимся”.** Так и хочется добавить: “И любим поэзию”.

Стихи, сказки, эссе пишут практически все школьники, но в альманахе публикуются лучшие. Посвящена эта первая проба пера родному селу и родной природе, любимым книгам, дружбе и, конечно, любви. Во многих стихах звучит самоирония, что свидетельствует об интеллекте, о богатстве внутреннего мира школьников (к самоиронии, как известно, не способны лишь надутые индюки). Вот два стихотворения пятиклассников Серёжи Васильева и Саши Иванова:

Есть у меня три способа,
чтоб выучить урок:
Один из способов — гулять,
Второй из способов — играть,
А третий способ — крепко спать...

* * *

Когда я сосульку ел, —
Было очень вкусно.
А когда я заболел —
Стало очень грустно.

Наивно, конечно, но не забывайте: это пятиклассники, которые только что начали изучать русский язык.

В любой сегодняшней концепции развития школы как заклинание неизменно присутствуют два понятия — гуманизация и гуманитаризация образования как способ очеловечить человека в наш технократический век. В Слакбашской школе гуманитарные предметы — самые любимые, самые посещаемые факультативы — по литературе, родному и русскому языкам. А самые долгожданные — не вечера с дискотеккой и танцами, а посвящённые литературным датам, произведениям, поэтам и писателям. “Серебряный век русской поэзии”, “Как пламень жертвенный, чиста моя любовь”, “Мне дали имя при крещенье — Анна” (тема вечера, посвящённого А. Ахматовой), “Свет родных берёз (о творчестве Мустая Карима), “Любовью дорожить умеете” (вечер лирической поэзии), турнир знатоков сказок, литературная юморина, концерт русской песни (к 100-летию М. Исаковского и И. Дунаевского) — всё это выстраивает гуманитарное пространство школьной жизни чувашских ребят. Пространство широкое, раздольное, поликультурное, как нынче изъясняются, и **начисто лишённое налёта провинциализма.** Сегодня, кажется, все начинают понимать, что провинция — всего лишь географическая удалённость от столиц. А духовную провинцию и душевную дремучесть можно встретить и в Москве на Арбате...

Слакбашские учителя, не разъединённые ни завиральными идеями “глобализма”, ни безыдейностью, истово, с любовью служат детям, своей профессии. И дело здесь **не только в самоотдаче, но и в духовной оседлости, в целой эпохе народной жизни, укоренённой в их сознании.**

Судить об их творческом подвижничестве со стороны очень трудно: его как бы и не видно. Как и у всех, у них вечный избыток работы и вечная нехватка времени, вечная тревога за детей. **Это героика особого свойства — незаметной повседневности**, предназначенная им и родной почвой, и судьбой. И поверьте: это требует гораздо больше энергии, душевных сил, самоотдачи, чем рывок в экстремальной ситуации.

В любой школе есть свой надежный критерий качества педагогического труда: уроки и ученики. Из-за постоянного цейтнота в командировке не удалось пожить в Слакбаше хотя бы неделю: открытия ожидали бы здесь каждый день, как на этом уроке чувашской литературы. (Слакбашцы работают по особому варианту учебного плана для национальных школ, который предусматривает широкое изучение родного языка и литературы.)

... Тема урока “Констатин Иванов — переводчик произведений М.Ю. Лермонтова”. По-разному можно построить это занятие: можно “задушить” его литературоведческими реминисценциями, что бывает весьма часто, можно свести к поверхностному перечислению того, что переведено поэтом. Вера Павловна Павлова пошла по другому пути: она прочитала классу лермонтовский “Парус”, а потом медленно, выразительно переводческую версию этого шедевра русской лирики. Ребята притихли, думают: все слова те же, а мелодика стиха другая, но такая же напевная, выразительная и... очень близкая. Вера Павловна объяснила, что чувашская речь по своему орфоэпическому строю отличается от русской. Чтобы сохранить в целостности смысл подлинника и придать ему национальное звучание, поэт изменил размер стихотворения, использовав дактиль вместо ямба. Оно осталось таким же выразительным, глубоким, философским, но теперь ещё и — родным, чувашским. Зачин уроку дан, можно переходить к основному его содержанию — знакомиться с переводом “Песни про купца Калашникова...”

В своё время В.Г. Белинский утверждал: “Поэма “Песня про купца Калашникова...” не может быть переведена ни на какой язык, ибо колорит её весь в русско-народном языке”. Но великий критик не учёл того, что и переводчик может быть плотью от плоти народа и глубочайше чувствовать колорит родного языка. Константин Иванов совершил этот творческий взлёт, и на уроке чувашские школьники с наслаждением читали поэму на родном языке.

Теоретики от педагогики назвали бы этот урок интегрированным, ибо в нём в органическом единстве присутствовали русская и чувашская классическая литература. А мне показалось, **что в этом уроке было самое необходимое — наслаждение художественным словом и образом**. Это был полноценный урок русской и чувашской словесности. Стоит ли удивляться тому, что после таких уроков старшеклассники самозабвенно готовятся к литературному вечеру, занимают призовые места на республиканских и зональных олимпиадах и конкурсах?

... Со всего Поволжья съехались школьники на зональный конкурс чтецов. На сцену вышла ученица Слакбашской сельской школы Галя Васильева — тоненькая, как тростинка, поэтичная, вся высвеченная изнутри. Чистый глубокий голос зазвучал со сцены:

Тебя мне ниспослал Творец,
Моя Мадонна, —
Чистейшей прелести чистейший
образец...

Она произнесла пушкинское восхищение женщиной, заливаясь ярким румянцем от волнения и от того, что это и к ней обращал поэт свои бессмертные строки.

Галя заняла на конкурсе первое место и получила в награду президентские часы. После школы она мечтает поступить в институт искусств. Вот только с математикой сложности: девушка — гуманитарий до мозга костей, точные науки даются ей с трудом. Так естественно было бы для неё изучать лишь гуманитарные дисциплины. Но **при нашем якобы свободном выборе, при “лично ориентированной” педагогике всем “свободным”**

разнообразным личностям базисный учебный план строго-настрого предписывает одинаковое количество предметов, даже те, которые генетически противоречат возможностям школьника. И учителя, понимая это, переступая через себя, ставят ей иногда четвёрку вместо тройки за работу по математике. Ставят за старательность, за ответственность, за талант.

Галия Мухтаровна! Если инспекторы вашего министерства обнаружат ненароком это “завышение оценок” при “промежуточной аттестации”, не делайте, пожалуйста, оргвыводов! “Маленькое служебное зло” учителя школы делают ради большого человеческого добра — Галиной профессиональной судьбы, в которой, вполне возможно, точным наукам не будет места... Но ведь не станет же она от этого менее ярким, творческим человеком!

Я бы не стала так подробно рассказывать об этой удивительно талантливой школьнице, если бы это был “единичный пример”. Но в Слакбашской школе таких ребят полно. Про надобность дарования они словно и не догадываются — этого добра у них в избытке: вся школа поёт, танцует, ставит спектакли. 20 лет исполнилось танцевальному ансамблю “Подснежник”, руководит которым Елена Арсентьевна Данилова. А кружок изобразительного искусства несколько лет устраивает постоянные выставки детских работ, которые охотно посещают жители села. Словом, ребята живут и учатся в полном соответствии со своими желаниями и устремлениями, здесь есть все условия для того, чтобы талант каждого мог расцвести.

А жизненные устремления у большинства школьников к 10-му классу вполне определены: ребята знают, какую избрать профессию, каким делом заняться. Больше половины пойдут в техникумы и институты, остальные в профучилища, на работу — продолжать труд отцов и дедов на земле. Многие старшеклассницы — Наташа Павлова — великолепный чтец-декламатор, участница постоянной передачи “Ендешсем” (“Земляки”) республиканского телевидения, Олеся Федотова — призёр республиканской олимпиады, другие девушки мечтают продолжить дело своих учителей. У них у всех есть уже чёткие представления о своём месте в жизни — не в праздной, а в трудовой, прочно слитой со своей почвой, со своей республикой. Им не грозит опасность превратиться в закомплексованных невротичных девиц, которые бродят по земле с места на место, как Агасфер, — без корней, без почвы под ногами, без профессии, — всё ищут себя, всё никак не могут реализоваться. А искать-то и нечего, все поиски сводятся к одному: кто поманит, за тем и побегут. И будут “реализовываться” самым банальным способом, старым, как мир, почитая это за государственное служение...

На слакбашской почве пустоцветы и обаятельные ловкачи не рождаются, потому что вся жизнь села и школы пронизана трудом и нравственным началом. Здесь не проводят “трудовые десанты”, а трудятся постоянно: пять гектаров пашни, пришкольный участок, слесарная и столярная мастерские, профильные классы, дающие профессию (с выдачей удостоверения), да ещё постоянная помощь местному хозяйству и лесничеству. Ребята обеспечивают продуктами школьную столовую, а излишки урожая продают. Деньги считать учатся на уроках экономики — вполне современных, с привлечением специалистов местных и из райцентра. Деньги для них имеют значение не большее и не меньшее, чем в пределах здоровой народной психологии. А вот хозяйствуют школьники с увлечением — так в семье приучены, такое отношение к труду видят вокруг. В поле, на ферме они часто рядом — дети и их родители. И в школу взрослые приходят постоянно — не про оценки спросить, не про поведение — вопрос о дисциплине здесь не стоит и что такое инспекция по делам несовершеннолетних, ребята просто не знают.

Взрослые идут в школу совсем по другой причине — поучаствовать в турнире знатоков национальной сказки, в улах (деревенских посиделках), где старшие ведут неторопливые рассказы о бабушкином сундуке и хранящихся в нём семейных реликвиях, о старинных обычаях, нарядах и украшениях. Молодёжь слушает рассказы старших, задаёт вопросы, в это же время девушки вяжут, шьют, рукодельничают и юноши. Есть ещё одна традиция,

пришедшая в сегодняшний день из глубины веков: перед посевной и жатвой собираются у Киреметь-горы стар и млад на поклонение языческому богу. Женщины на расшитых полотенцах несут подношение — шыртан, хуплу и другую снедь. А весенними вечерами школьники и сельская молодёжь водят хороводы — вайа — с песнями, танцами, с соблюдением всех ритуалов и этических норм, завещанных предками. Слакбашцам удалось сделать свою обыденную жизнь человечески достойной. И не завтра, а сегодня, сейчас.

Школа вместе с сельским клубом и домом-музеем Константина Иванова — это некий культурный комплекс. В Слакбаше часто бывают гости — писатели, актёры, просто почитатели таланта чувашских классиков. Они встречаются с жителями села, неизменно посещают и школу — такова традиция.

В селе вообще много традиций — всем вместе праздновать Великую Победу, день урожая, всем селом ходить на сенокос. Школьники наперечёт знают ветеранов Великой Отечественной — бывших учителей Бориса Антоновича Степанова, Василия Николаевича Мельникова, солдатскую вдову Ольгу Никитичну Лукьянову. Заботятся о них ребята постоянно — так принято в чувашских семьях — заботиться о стариках. (Между прочим, о нравственности общества судят по отношению к детям и старикам.)

В этом году к 55-летию нашей Победы многие школьники написали о своих родственниках, участниках войны. В одной из работ прочла я щемящие строки: “Я очень горжусь своим дедушкой, и не его вина, что он не привёз наград. Он не вернулся с войны...”

Завуч Нина Семёновна Кириллова рассказала о большой поисковой работе, которую ведут ученики школы, собирая сведения о бывших солдатах не только в Слакбаше, но и в соседних сёлах — Краснояре, Канаше, Чубукараке. К слову сказать, Слакбашская средняя по отношению к начальным школам этих сёл является базовой, учителя проводят со своими коллегами занятия, дают для них открытые уроки, посещают их уроки, совместно анализируют их. Это тоже присуще чувашам — помощь соседям.

Я очень боюсь впасть в славословие, — мы ведь горазды в своих писаниях спрямлять витиеватость судьбы, сводить многозначный образ человека ли, школы к плоской одноликости. Известно: чтобы узнать человека, надо съесть с ним пуд соли. Этого, увы, сделать не удалось, но по каким-то деталям, по скупым, брошенным невзначай репликам всё же можно составить представление о характерах учителей. Много рассказывала о них Наталья Николаевна Гольшева, заместитель министра народного образования Башкортостана еще до поездки в Слакбаш. Она считает, что это одна из немногих школ, где так трепетно, свято относятся к своим знаменитым землякам. Такое отношение определило и высокое качество гуманитарного, в частности, литературного образования и тот пласт культуры, с которым сельские школьники входят в жизнь.

Здесь каждый учитель — личность яркая, самобытная. У каждого в школе — своя “творческая ниша”. Учительница биологии В.П. Федотова проводит прекрасные вечера “Эти забавные животные”, внушая ребятам простую мысль: нравственность — это прежде всего отношение к живому. Надежда Андреевна Васильева подготовила интереснейшие инсценировки для школьников начальных классов. Они большие выдумщики — слакбашские учителя.

Но они ещё и мужественные люди. Рима Мироновна Петрова преподаёт чувашский язык и литературу. Четыре призовых места заняли её ученики на республиканской олимпиаде по родному языку, постоянно побеждают на районных олимпиадах. Предана делу бесконечно. Недавно пережила трагедию: ушёл из жизни её муж, Константин Михайлович, учитель физики, глубоко уважаемый человек. В пятницу были поминки, а в субботу утром она, как всегда, вошла в класс и дала прекрасный урок.

Отдельного очерка заслуживает судьба Веры Павловны Павловой, отличника народного образования. В этой семье — четыре поколения учителей. Дед её Владимир Павлович Астафьев и отец Павел Владимирович были завучами этой школы. Мать Нина Никифоровна — учительница. Эстафету от родителей приняла Вера Павловна и теперь передаёт её детям — дочери и зятю. В общей сложности более 150 лет семья отдала школе. Старшее

поколение пережило раскулачивание, ссылку (у деда с бабкой было 4 лошади, налаженное хозяйство, обихожный дом). В школьном музее специальная экспозиция посвящена учительской династии Астафьевых. Впрочем, здесь каждый учитель заслуживает отдельного рассказа. Поэт прав: **“нет событий важнее людей, каждый — это событие”...**

Жизнь есть жизнь, и под каждой крышей — свои мыши. У Слакбашской школы, ставшей домом для 152 ребят и 19 учителей — немало проблем. И мебель поизносилась, и парты детям по росту не подходят, устарела компьютерная техника. Да и кормить детей учителям хотелось бы сытнее и вкуснее.

Всё это беды не только школы, но и страны. Учителя относятся к ним с пониманием и стоицизмом, всё это ни в коей мере не оказывает влияние на их отношение к своему делу.

В Слакбашской школе я в который раз убедилась в живучести ещё одного нашего социального мифа, привычного самообмана: чем больше людям платить, тем они лучше будут работать. Хочу быть правильно понятой: я далека от ханжеского пренебрежения к размеру зарплаты — ни у кого из нас нет крепостных крестьян, все мы живём на то, что зарабатываем. И всё же есть нечто такое, что мотивирует труд гораздо сильнее рубля. Что — это *нечто*? Бессчётное число раз задаётся этот вопрос и столь же бессчётное число ответов всегда оставляют некую недосказанность. Да и есть ли здесь исчерпывающая формула? Думаю, что и мой ответ достаточно банален: в школе работает **“команда” — люди, бесконечно доверяющие друг другу, уважающие друг друга.** Качество “команды” определяет личность директора, человека безупречного в профессиональном и нравственном отношениях. Её слово — закон для членов коллектива.

Невозможно даже представить, чтобы мнением или распоряжением директора пренебрегли. И в то же время отношения руководителя и учителей в высшей степени демократичны, исполнены достоинства — без малейшего амикошества.

В школе разработан “кодекс чести ученика”. А поскольку во многих гимназиях мне встречались “кодексы чести” учителей, я и спросила об этом Зинаиду Порфирьевну. Она удивлённо посмотрела на меня и сказала:

— Наши учителя — глубоко порядочные люди! Детям ведь надо ещё объяснить, что такое честь, достоинство — они этому ещё только учатся — вот и кодекс для них разработали.

Мне стало неловко за свой вопрос. И я невпопад задала другой — совершенно банальный:

— Что для Вас главное в управлении школой?

Реакция была мгновенной:

— Настроение людей. В творческом коллективе — это главное. Мы очень бережём нашу нравственную атмосферу, разрушить её очень легко, вывести учителей из рабочего состояния при их эмоциональности очень просто. А вот восстановить равновесие гораздо сложнее. — Помолчала и добавила: — Я давно уже не издаю приказов с выговорами, с порицанием — только с благодарностью. И не потому что я мягкий человек, (руководитель без позиции, без требовательности — не имеет права возглавлять коллектив). Мы ответственные друг перед другом, и я перед всеми — в первую очередь.

Такова простая и универсальная формула зрелого руководителя: ответственность перед теми, кем руководишь — за каждый свой шаг, каждое действие и слово. **Только так можно обрести авторитет, который сам по себе — мощнейшая мотивация для членов коллектива.** Зинаида Порфирьевна это прекрасно понимает, поэтому никогда не позволит низвести свой авторитет до прикладного значения.

Так что наше упование на мотивирующую силу рубля в отношении сотрудников к своему делу давно пора переводить в совершенно иную плоскость — в нравственную, как это ни банально звучит.

Моим неожиданным союзником в этом выводе стал современный философ Виталий Пашенко, чью книгу “Идеология евразийства” я прочла, вернувшись из Башкортостана. Вот что говорит он об аксиологической ориентации евразийцев, к числу которых относятся жители России, в том числе и Башкортостана — классической евразийской территории: “Преобладающее значение для них имеют не деньги (как культ американского образа жизни), не успех (как культ западного образа жизни), а смысложизненные установки... стремление к спокойной совести и душевной гармонии, приоритет семейных и дружеских отношений, коллективность в противовес ценностям протестантской этики”.

Спасибо Виталию Яковлевичу за то, что помог глубже понять людей, с которыми свела меня журналистская судьба. **Спокойная совесть и душевная гармония — вот шкала ценностей, по которой живёт чувашское село Слакбаш** и в сравнении с которой так называемые “общечеловеческие ценности” — не более, чем тарабарщина.

Знакомясь с деятельностью школы, я ловила себя на том, что не могу чётко вычлнить процессы обучения и воспитания. Понимаю, что это разные процессы, но здесь, в Слакбаше так организована жизнь, **что всё в ней воспитывает**. Может быть, это укладывается в формулу “педагогизация среды”? Приехала сюда семья беженцев — отец в тюрьме, мать целыми днями занята на ферме. Сын вырос без родительского внимания — убежал из дома, не ходил в школу. Прошло какое-то время, и что-то произошло с мальчиком: он вполне сносно учится, перестал бродяжничать, записался в кружок. Зинаида Порфирьевна убеждена, что это среда оказала на него благотворное влияние. И я склонна с ней согласиться. **Природосообразная школа воспитывает нормальных людей — физически и нравственно здоровых, без изломов, надрывов, без комплексов, даёт им образцы поведения, воплощённые в вековом социальном институте нации и в практической деятельности**. С такой оснасткой можно смело пускаться в жизненное плавание — внешние соблазны не смогут её разрушить. Люди создают нормальную (а не ущербную) жизненную среду, в которой вырастают нормальные дети, живущие в самом выгодном и милом сердцу варианте — естественном. Назовите это, как хотите — “круговоротом человеческой порядочности в природе” или же “педагогизацией среды” — суть не в этом.

Суть в том, что такие школы подобно чистым родникам, дающим начало могучим рекам, в совокупности своей и **составляют богатство национального образования Башкортостана**. В них — его истоки и его будущее.

Село Слакбаш Белебеевского района